

УДК 82.091

DOI: 10.17223/19986645/65/15

Т.В. Коротченко

ОБРАЗ АМЕРИКИ В «ДНЕВНИКЕ ПИСАТЕЛЯ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО¹

Анализируется восприятие Америки Ф.М. Достоевским на материале «Дневника писателя». Определяются основные типы репрезентации Америки, каждый из которых рассматривается в эволюции. Сравнительный анализ контекстов, в которых упоминается Америка в «Гражданине», «Дневнике» и художественных произведениях писателя, демонстрирует изменение репрезентации образа далекой страны в зависимости от творческой роли, которую принимает на себя Достоевский.

Ключевые слова: *Ф.М. Достоевский, «Дневник писателя», Америка, газета-журнал «Гражданин».*

Размышления Ф.М. Достоевского о судьбе России неразрывно связаны с анализом историко-политической ситуации во всем мире. В поисках национальной идеи Достоевский выходил за рамки такой популярной в XIX в. темы, как «Отношения России и Запада». В контексте политической мысли того времени под «Западом» в основном понимали европейские страны, однако писатель живо интересовался событиями, происходившими не только в Европе, но и в Азии, а также в странах Нового Света, о чем свидетельствуют многочисленные отсылки к историческим событиям, упоминания культурных реалий как в художественных произведениях, так и в публицистике писателя. В отличие от Азии и Нового Света о Европе Достоевский писал много. За время путешествий по европейским странам он подробно изучил не только культурные достопримечательности западного мира, но и познакомился с бытом и особенностями повседневной жизни людей.

Возможности так же подробно изучить Америку у Достоевского, как известно, не было. При этом стоит отметить, что Россия XIX в. не испытывала недостатка в информации о далекой стране. В журналах публиковались статьи об экономическом устройстве Америки («Отечественные записки», «Эпоха», «Время» и т.д.), в которых политологи и философы не раз проводили параллели между освобождением американских рабов и крепостных крестьян в России. Помимо публицистических материалов Достоевскому хорошо были известны работы А. де Токвиля и Г. де Бомона «Du systeme penitenciar aux Etats-Unis et de son application en France» («О пенитенциарной системе в США и ее применении во Франции», 1832)

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Геополитическая карта и картина мира Ф.М. Достоевского» № 18-012-90020\18.

[1], А. де Токвиля «О демократии в Америке» («De la Démocratie en Amérique») [2], социальный роман Г. де Бомона «Marie, ou l'Esclavage aux États-Unis» («Мария, или Рабство в Соединенных Штатах», 1835) [3]. В России эти работы были опубликованы на французском языке в 1835 г. Достоевский, как известно, знал французский язык в совершенстве. Более того, историко-политический трактат «О демократии в Америке» обсуждали на собраниях у М.В. Петрашевского [4. Р. 12], и в 1860 г. текст был переведен на русский язык. Можно сказать, что такой круг вопросов, как рабство, расовая дискриминация, колониальная экспансия и особенности социальной демократии, не мог остаться вне поля зрения писателя.

Вопрос об особенностях восприятия образа Америки в творчестве Достоевского был обозначен, но до настоящего времени не становился предметом специального научного исследования. Так, стоит отметить работу Л.И. Сараскиной «Испытание будущим. Ф.М. Достоевский как участник современной культуры» [5]. В частности, в главе «Америка как миф и утопия: бегство в никуда» автор обращается к исследуемому вопросу, прежде всего, в контексте художественных произведений писателя, справедливо указывая, что «Америка – это конечный пункт побега» [Там же. С. 140] героев от себя и окружающей действительности. В аналогичном ключе данная проблема рассматривается в книге К.А. Ланца «Энциклопедия Достоевского» («Dostoevsky Encyclopedia»), где в небольшой заметке под названием «Америка» автор приводит цитаты из романов пятикнижия, в которых далекая страна представлена как «символический конечный пункт – фактически конец земли – для героев, стремящихся убежать от угрызений совести, или тех, кто <...> утратил связь с русской почвой» (a symbolic destination – virtually the end of the earth – for characters who are trying to escape a guilty conscience or who <...> by losing contact with the Russian soil») [4. Р. 12]. Справедливости ради следует сказать, что оба исследователя в разной степени намечают круг тем, связанных с образом Америки в творчестве Достоевского, а именно: либерализм, индивидуализм и безграничная свобода.

Соглашаясь с этими положениями Л.И. Сараскиной и К.А. Ланца, мы полагаем, что тема Америки на фоне столь напряженных и неоднозначных социально-политических обстоятельств второй половины XIX в., а также с учетом интереса самого Достоевского к историческому факту, обозначенному Л.П. Гроссманом как «литература факта» [6. С. 331], может быть представлена в творчестве писателя в различных и отчасти противоречивых контекстах.

Творческое наследие Достоевского – многопланово и разнообразно: художественные произведения различных жанров, многочисленные литературно-критические статьи, очерки как результат публицистической деятельности автора и, наконец, уникальный по своей литературной природе проект «Дневник писателя». К проблеме реконструкции творческого процесса писателя обращались многие известные филологи и достоевсковеды: Б.В. Томашевский, Н.Ф. Бельчиков, А.С. Долинин, Л.П. Гроссман,

Г.М. Фридлиндер и др. Так, Б.В. Томашевский и Н.Ф. Бельчиков первыми описали внешний вид черновики и записных тетрадей, указывая на повторы особо важных для писателя тем, постепенную проработку мотивов и образов. А.С. Долинин охарактеризовал творческий процесс Достоевского как движение от исторического факта к более общей идее. Л.П. Гроссман назвал особенностью работы писателя «движение от повседневной действительности к внутренней драме, от газетной хроники в мир искусства» (см. об этом: [6–8]). Г.М. Фридлиндер выделил несколько этапов в творческом процессе писателя, подчеркивая, что отбор фактов и исторических событий, их осмысление с проекцией дальнейшего воплощения в публицистическую или художественную форму является наиболее длительным этапом. Несмотря на то, что творческий процесс Достоевского рассматривался в разных аспектах, исследователи сходятся в одном: несомненно наличие тесной взаимосвязи между публицистической деятельностью Достоевского, по сути выступающей как один из этапов его творческой работы, и художественным творчеством писателя. Не случайно И.Л. Волгин писал о взаимопроникновении романа и фельетона, включая использованные принципы журналистики, в творчестве Достоевского [9].

Опираясь на обозначенную специфику творческого процесса, целесообразным представляется обращение к анализу образа Америки в контексте всего творческого наследия Достоевского, включая «Дневник писателя», а также редакторскую деятельность писателя в газете-журнале «Гражданин» в период с 1873 по 1874 г. При этом в рамках данной статьи мы не станем подробно останавливаться на репрезентации образа Америки в художественных произведениях Достоевского, ранее изученной в работах Л.И. Сараскиной и К.А. Ланца.

Упоминания Достоевского об Америке и американцах в «Дневнике писателя» можно условно разделить на четыре типа. Во-первых, как и в художественных произведениях, Америка изображается местом, куда все стремятся в попытке найти лучшие условия для жизни. Во-вторых, встречаются описания Америки как буржуазно-либерального государства, интересы которого связаны, прежде всего, с наращиванием капитала и установлением мирового господства. В-третьих, не раз упоминается сам факт открытия Америки и его значение для Европы и всего мира в целом. Наконец, отдельной темой, в рамках которой возникают отсылки к Америке и западной культуре, проходит вопрос о спиритизме – новом увлечении общества второй половины XIX в., которое вызывало серьезное беспокойство у Достоевского. Выделенные типы репрезентации Америки рассматриваются в «Дневнике писателя» в их эволюции.

В статье «Мечты и грезы» «Дневника писателя» (1873) Достоевский размышляет о судьбе России и будущем русской молодежи. Историческая задача страны – стать «великой европейской державой» [10. Т. 21. С. 91] – может быть достигнута, по мысли писателя, за счет решения внутренних проблем государства: создание такой экономической системы, при которой «правильные капиталы возникают в стране не иначе как основываясь на

всеобщем трудовом благосостоянии» [10. Т. 21. С.95]; обеспечение просвещения людей, воспитание «человека идеи и науки самостоятельной» [Там же. С. 93]. Решение этих проблем, как полагает Достоевский, требует объединения усилий как народа, так и интеллигенции, иначе «могут образовываться лишь капиталы кулаков и жидов. Так и будет <...> если сам народ не опомнится, а интеллигенция не поможет ему» [Там же. С. 95].

Напомним, что статья «Мечты и грезы» была опубликована в газете-журнале «Гражданин» 21 мая 1873 г. Несколькими месяцами ранее в письме великому князю Александру Александровичу Романову от 10 февраля 1873 г. Достоевский пишет: «Эти явления (подобные нечаевскому делу. – Т.К.) – прямое последствие вековой оторванности всего просвещения русского от родных и самобытных начал русской жизни» [Там же. Т. 29. С. 260]. По мнению Достоевского, именно в разъединении народа и интеллигенции коренятся причины отсутствия общей деятельности, отставания в науке и просвещении, а также таких преступлений, как нечаевское. Рефлексируя по поводу последствий такой вековой оторванности народа от интеллигенции, Достоевский особое место отводит роли учителя, на которого возлагает надежды по воспитанию нового поколения. Именно в таком контексте размышлений впервые в «Дневнике писателя» упоминается Америка. Хотя Достоевский не раз подчеркивал в статье, что все его рассуждения являются лишь «грезами», он не питал иллюзий относительно реального положения дел в современных образовательных учреждениях. Учитель, чаще всего молодой человек, «не знающий народа, мнительный и недоверчивый <...> быстро утомляется, смотрит угрюмо, начинает считать свое место за нечто переходное к лучшему» [Там же. Т. 21. С. 95–96]. Ввиду отсутствия характера такие молодые учителя спиваются или бегут «куда угодно, даже даром <...> даже в Америку» [Там же. С. 96]. Америка, таким образом, предстает альтернативой пьянству и собственному бессилию, мечтой о либеральном обществе, от которой человек без личности и характера не в силах отказаться. Там, в Америке, «какой-нибудь гнуснейший антрепренер морит такого беглеца на грубой ручной работе, обсчитывает и даже тузит его кулаками, а он за каждым тузом восклицает про себя в умилении: “Боже, как эти же самые тузы на моей родине ретроградны и неблагородны и как, напротив, они здесь благородны, вкусны и либеральны!” И долго еще так ему будет казаться; не изменять же из-за таких пустиков своим убеждениям!» [Там же].

К мотиву бегства в Америку Достоевский возвращается в статье «Одна из современных фальшей» (декабрь 1873 г.), в которой он полемизирует с одним из сотрудников «Русского мира», утверждавшего, что только необразованные и глупые молодые люди могут стать участниками таких кружков, как группа С.Г. Нечаева. Доказывая несостоятельность подобного утверждения, основанного лишь на «отрицании факта» [Там же. С. 127], Достоевский затрагивает проблематику многих предыдущих статей «Дневника писателя», включая вопросы воспитания, взаимоотношения «отцов и детей» и образования. В подтверждение своей мысли о том, что образованные

молодые люди также могут увлечься «безумными идеями» и что в этом не их вина, Достоевский приводит заметку из «Камско-Волжской газеты», которая сообщает, что «три гимназиста 2-ой казанской гимназии, 3-го класса, привлечены к ответственности по обвинению в каком-то преступлении, имеющем связь с их предполагавшимся бегством в Америку» [10. Т. 21. С. 135]. В данном контексте Америка предстает не столько географическим местом или страной, сколько воплощением / символом «великой» идеи, которая способна овладеть умами совершенно разных людей независимо от их происхождения и уровня образования: «С тех пор бежали в Америку изведать «свободный труд в свободном государстве» старики, отцы, братья, девы, гвардейские офицеры... разве что не было только одних семинаристов» [Там же]. Достоевский пророчески предвидел серьезные последствия деятельности предводителей европейской мысли, повсеместно распространяющегося цинизма и равнодушия отцов, воспитателей и учителей к собственному отечеству. При таком воспитании и образовании мечта о бегстве в Америку воспринимается молодыми людьми как новая религия: «Винить ли таких маленьких детей, этих трех гимназистов, если и их слабыми головами одолели великие идеи о «свободном труде в свободном государстве» и о коммуне и об общеевропейском человеке; винить ли за то, что вся эта дребедень кажется им религией» [Там же].

Заметим, что прямое или косвенное упоминание Америки в контексте сравнения с новой религией не единожды встречается в «Дневнике писателя». Как уже отмечалось ранее, в нескольких статьях «Дневника», опубликованных в течение 1876 г., Достоевский размышляет над опасностью увлечения спиритизмом, делая при этом отсылки к Америке. Так, упоминаются братья Горадио и Вильям Эдди – популярные в то время американские медиумы, а также американский журналист Генри Олкотт, который на протяжении долгого времени вел наблюдения за спиритическими сеансами братьев: «Уверяют, что у одной дамы, где-то в губернии, в ее доме столько чертей, что и половины их нет столько даже в хижине дядей Эдди» [Там же]. В статье «Спиритизм. Нечто о чертях. Чрезвычайная хитрость чертей, если только это черти» писатель в шуточной форме излагает собственную теорию о поведении чертей. По Достоевскому, черти демонстрируют особую хитрость и изворотливость в стремлении посеять смуту и раздор среди людей. Так, они никогда не предстанут перед всей ученой комиссией, которая пытается доказать их существование, но они выберут «кого-нибудь из упорнейших членов ее <...> и вдруг разом уловят его в свои сети». В этом контексте Достоевский указывает на тот факт, что «в Америке черти поступали, кажется, точь-в-точь по этому плану». Таким образом, Достоевский сравнивает Россию с Америкой в аспектах масштабности и специфики распространения спиритизма.

Стоит отметить, что на протяжении всей статьи Достоевский подчеркивает ироничный характер своих размышлений, однако в заключение замечает: «...если взглянуть на спиритизм как на нечто, несущее в себе как бы новую веру (а почти все, даже самые трезвые из спиритов склонны ка-

пельку к такому взгляду), то кое-что из вышеизложенного могло бы быть принято и не в шутку» [10. Т. 22. С. 36–37]. В этом отношении Америка, упоминаемая в статьях о спиритизме в качестве объекта для сопоставления с Россией, предстает страной, несущей миру новую веру. В подтверждение этой мысли можно также привести фрагмент из записных тетрадей к «Дневнику писателя»: «Молодой человек собирается и читает Евангелие, другой изобретает религию, проповедует нигилистам, бежит в Америку, жена его слушает курс» [Там же. Т. 24. С. 161]. Достоевский упоминает далекую страну как одну из жизненных перспектив современного человека, при этом желание убежать в Америку может возникнуть у того, кто отказывается от веры и изобретает собственную религию.

Анализ статей «Дневника писателя», в которых Америка упоминается как лучшее место для бегства от насущных проблем, а также статей, посвященных вопросам спиритизма, указывает на ряд закономерностей. Так, черты и спиритизм как вера в возможность общения с потусторонним миром, по Достоевскому, могут стать для человечества новой религией, заменив все предыдущие. При этом, учитывая изощренность и хитрость чертей, эта новая религия легко может овладеть умами самых образованных людей. Описанные Достоевским особенности «поведения» чертей в частности и воздействия «великих» теорий в более широком смысле отсылают читателя «Дневника» к статье «Одна из современных фальшей» (1873 г.), в которой писатель доказывает, что страшные по своей сути идеи и теории могут увлечь не только «праздных недоразвитков» [Там же. Т. 21. С. 132], но и вполне хорошо образованных людей. Любопытно, что в обеих статьях Америка упоминается как страна, олицетворяющая новые возможности и веру. Как и увлечение спиритизмом, стремление убежать в Америку может распространиться не только среди тех, кто утратил свои исторические корни, но и среди лучших представителей молодежи.

Все возрастающее число русских, эмигрирующих в Америку, не могло остаться незамеченным писателем. В опубликованной в «Гражданине» аннотации к книге «Соединенные Штаты Северной Америки: из путешествий 1857–58 и 1869–70 гг.» Эдуарда Циммерманна приводятся следующие статистические данные: «Изъ отчета статистическаго отдѣленія въ Вашингтонѣ видно, что общее число переселившихся въ Америку европейцевъ, съ начала существованія американской республики по 1871 годъ, равнялось слишкомъ 8 милліонамъ человекъ. Въ томъ числѣ изъ Россіи переселенцевъ значилось 4,045, а польскихъ переселенцевъ – 4,038 чел. <...> Между тѣмъ эмиграція нашихъ соотечественниковъ и поляковъ именно въ послѣднее десятилѣтіе настолько увеличилась, что первыхъ значилось въ промежуткѣ 1869–1870 г. 2,671 чел., а вторыхъ почти столько же...» [11].

О том, что идеи об эмиграции в Америку волновали общественное сознание, говорит и художественное их осмысление. Так, в романе В.В. Крестовского «Петербургские трущобы» (1864 г.), впервые опубликованном в

журнале «Отечественные записки»¹ и снискавшем большую популярность во второй половине XIX в., герои (супруги Бероевы), доведенные до отчаяния жизненными обстоятельствами, не видят другого выхода, как бежать из страны:

– Бежать отсюда! Скорее бежать, куда ни попало, и бежать навсегда, навеки! – вымолвил он наконец с какой-то нервической злобой. – Здесь нет нам свободного места! Здесь ни жить ни дышать невозможно! – Бежать... – задумчиво повторила Бероева. – Но как, куда бежать-то? – Туда, где уж нас не достанут и не узнают, – в Америку, в Соединенные штаты! Заберем детей, распродадим последние крохи, сгношим сколько возможно деньжонок. Ковров, ты говоришь, добудет тебе вид на чужое имя, и – вон из России!.. Там мы не пропадем! Там нужны рабочие силы, а у меня – слава тебе господи! – пока еще есть и голова и руки! [12. Т. 2. С. 756].

В романе Крестовского Америка для героев становится единственным шансом на спасение, страной, открывающей новые возможности для работы и жизни. Героям художественных произведений Достоевского также свойственно желание убежать в далекую страну. Однако это желание связано либо с попыткой избежать наказания (Родион Раскольников в «Преступлении и наказании», Митя Карамазов в «Братьях Карамазовых»), либо убежать от самого себя (Свидригайлов в «Преступлении и наказании», Аркадий Долгоруков в «Подростке»), либо познать новый мир и разобраться в себе (Шатов, Кириллов в «Бесах»). Таким образом, в художественных произведениях Достоевского Америка предстает не столько географическим пространством (несмотря даже на тот факт, что Кириллов и Шатов действительно побывали в этой стране), где можно начать новую жизнь, сколько символом идеи о лучшей жизни, охватившей общество, маркером состояния одиночества и потерянности героя. В подтверждение этой мысли ценно наблюдение Л.И. Сараскиной о том, что «американская история невнятна и лишена красок: нет ни имен, ни названий, ни адресов» [5. С. 139].

В «Дневнике писателя», ввиду его жанрового своеобразия, мотив бегства в Америку вплетается в размышления Достоевского о качестве современного образования, воспитания подрастающего поколения. Так, он чаще всего связан с вопросами об уровне образования молодого поколения, оторванности интеллигенции от народа и излишнем увлечении западными идеями. Думается, что мучительные переживания Достоевского о дальнейшей судьбе России и напрямую связанные с ними размышления об уровне образования молодого поколения, увлечении прогрессивными европейскими идеями и стремлении большого количества русских людей бежать из России привели к тому, что мотив бегства в Америку становится, по сути, центральным в «Дневнике писателя» за 1873 и 1876 гг. В част-

¹ Отдельные отрывки романа были также опубликованы в журнале братьев Михаила Михайловича и Федора Михайловича Достоевских «Эпоха».

ности, в статье «Анекдот из детской жизни» (декабрь 1876 г.) Достоевский опять возвращается к истории гимназистов, бежавших в Америку.

Вторым по количеству упоминаний мотивом является описание Америки как буржуазно-либерального государства. Анализируя статьи «Дневника писателя», прежде всего, отметим, что репрезентация Америки как буржуазно-либеральной страны претерпевает изменения в период написания «Дневника», а взгляды писателя на роль и позицию Америки в мире, развиваясь и углубляясь, достигают концептуальной завершенности к концу 1870-х гг. Так, в статье «Маленькие картинки» от 16 июля 1873 г. даны зарисовки улиц Петербурга. По мнению Достоевского, Петербург в архитектурном смысле является уникальным городом, так как отражает «все архитектуры в мире, всех периодов и мод; все постепенно заимствовано и все по-своему перековрано» [10. Т. 21. С. 106]. Здания города лучше людей могут рассказать о том, какие западные идеи были популярны в тот или иной исторический период. Город подражал Византии, Италии (Риму, Венеции), Франции. При этом писатель практически всегда отрицательно оценивает подражательный характер петербургской архитектуры: «жалкая копия», «псевдовеличественно и скучно до невероятности» [Там же. С. 107]. Отсылка к Америке появляется в статье в контексте описания писателем современности: «И, наконец, вот архитектура современной, огромной гостиницы – это уже деловитость, американизм, сотни номеров, огромное промышленное предприятие: тотчас же видно, что и у нас явились железные дороги и мы вдруг очутились деловыми людьми» [Там же]. Итак, Достоевский показывает, что времена увлечения Европой, европейской культурой уже прошли, а современная Россия пытается подражать деловой Америке с множеством «чрезвычайно высоких домов <...> тонкостенных и скупко выстроенных» [Там же].

Достоевский подчеркивает, что в стремлении копировать и подражать всему западному Петербург в частности и Россия в целом теряют свою индивидуальность и тем самым показывают «всю бесхарактерность и безличность» [Там же. С. 106]. При этом то, что остается исконно русским среди заимствованных архитектурных стилей и идей, не может противостоять натиску западного мира: «Характерного в положительном смысле, своего собственного, в нем разве только вот эти деревянные, гнилые домишки, еще уцелевшие даже на самых блестящих улицах рядом с громаднейшими домами и вдруг поражающие ваш взгляд словно куча дров возле мраморного палаццо» [Там же].

В статьях 1876–1877, 1881 гг. Россия и Америка, в частности взаимоотношение двух стран, предстают уже в несколько ином свете. В публикации «Утопическое понимание истории» (1876 г.) Достоевский размышляет о последствиях реформ Петра I. Писатель отмечает особую ценность преобразований первого русского императора, которая заключается в «расширении взгляда» [10. Т. 23. С. 46]. В этой фразе Достоевский не подразумевает слепого подражания европейской науке, западной системе образования или политическому устройству. Реформы Петра I учили русского человека

не копировать и преклоняться перед другими народами, а любить, принимать и находить в них истину. По мысли Достоевского, «это и есть начало, первый шаг того деятельного приложения нашей драгоценности, нашего православия, к всеслужению человечеству, – к чему оно и предназначено и что, собственно, и составляет настоящую сущность его» [Там же. С. 47]. Таким образом, Достоевский синтезирует основные идеи Петра с православием и определяет основную задачу русского народа в стремлении «к единению всечеловеческому <...> стать братом всех людей, *всечеловеком*» [Там же. С. 147]. В этом свете писатель развивает мысль о роли России на политической карте мира второй половины XIX в. Первый шаг новой политики состоит «в единении всего славянства, так сказать, под крылом России» [Там же. С. 47]. При этом Достоевский подчеркивает, опасаясь неверной трактовки его идеи, что «единение всех славян» не подразумевает ни захвата земель, ни насилия, а нацелено на создание славянской цивилизации, которая сможет «принести и свою лепту в сокровищницу духа человеческого» [Там же]. Такой политический союз основан, прежде всего, на идее всеслужения человечеству, а главным положительным результатом петровских реформ стало осознание Россией своей силы и основного предназначения. Для того чтобы окончательно разъяснить свою позицию читателю «Дневника» относительно характера предлагаемого им союза славян во главе с Россией, Достоевский в качестве негативного примера приводит Соединенные Штаты Америки и Европу в целом, где политические союзы появлялись с целью захвата земель и «во имя лишь торгашества, личных выгод и вечных и все тех же обоготворенных пороков» [Там же. С. 50].

Лишь намеченное противопоставление России и Америки в статье «Утопическое понимание истории» усиливается в публикации от 1881 г. «V. Пусть первые скажут, а мы пока постоим в сторонке, единственно чтоб уму-разуму поучиться». Размышляя об особой роли русского народа в истории России, абсолютно веря в его мудрость и самобытность, заключающуюся в особом отношении к царю, Достоевский отмечает, что в этом и кроется уникальность России относительно всего мира. В качестве примера писатель приводит понимание русским народом свободы. По его мнению, в России «гражданская свобода может водвориться самая полная, полнее, чем где-либо в мире, в Европе или даже в Северной Америке» [Там же. Т. 27. С. 22]. В этом фрагменте Достоевский подчеркивает противопоставление России Америке, используя усилительную частицу «даже». Можно сказать, что в этом вопросе Достоевский проявляет некое предвидение относительно противостояния двух держав. Известно, что Америка на протяжении всего XIX в. воспринималась европейской общественной мыслью как страна, которая смогла добиться независимости от гнета Англии (Американская революция 1775–1783 гг.). В середине XIX в. и в Европе и в России особенно внимательно следили за ходом гражданской войны между Севером и Югом (1861–1865 гг.), а российские журналы проводили параллели между освобождением негров и крестьян. В этом свете Америка воспринималась символом свободы, страной равных воз-

возможностей для всех, независимо от цвета кожи и вероисповедания. Можно сказать, что в тексте Достоевского за Америкой признается определенное лидерство в вопросах борьбы за независимость и получения свободы в тех или иных сферах жизни общества. Не случайно эта страна не раз выступает объектом для сравнения в различных вопросах развития России. О такой оценке Америки Достоевским свидетельствуют и наброски автора в записях к «Дневнику писателя» (из рабочих тетрадей за 1875–1877 гг.), в которых авторская мысль предстает в концентрированном виде, не затуманенной дополнительным контекстом: «Свое цельное управление имеют лишь три нации: Англия, Россия и Америка» [10. Т. 24. С. 86].

Безусловно, на протяжении всего XIX в. основными империями в мире считались Англия и Франция. Однако все нарастающая мощь Соединенных Штатов Америки не могла остаться без внимания общественной мысли. В этом отношении показательны наблюдения Э.В. Саида о том, что «империализм сохраняется в виде своего рода общей культурной сферы, равно как и специфической политической, идеологической, экономической и социальной практики» [13. С. 51]. В этом смысле литература как часть культурного пространства неотделима от истории развития общества.

По утверждению Э.В. Саида, американская литература XIX в., несмотря на яркий антиколониализм, направленный против Старого Света, тем не менее «несет в себе исключительно сильный имперский образец» [Там же. С. 148]. В качестве примера исследователь приводит произведения Д.Ф. Купера, М. Твена, Г. Мелвилла, которые проявляли особый интерес к экспансии Америки на запад и разрушению сложившегося уклада жизни американских аборигенов. Известно, что произведения Д.Ф. Купера активно переводились на русский язык в 1830-е гг. Перевод первого романа М. Твена (в соавторстве с Ч. Уорнером) «Мишурный век» был опубликован в журнале «Отечественные записки» в 1874 г. Творчество Мелвилла стало известно русскому читателю уже в середине XIX в. – в публикуемых в журналах отрывках и фрагментах. Не вызывает сомнений тот факт, что Достоевский был знаком с творчеством упомянутых Э. Саидом американских писателей. Более того, отсылки, например, к роману Д.Ф. Купера «Последний из могижан» можно встретить в романе «Братья Карамазовы» («Там, говорят, есть еще краснокожие, где-то там у них на краю горизонта, ну так вот в тот край, к последним могижанам» [10. Т. 15. С. 126].), а также в «Дневнике писателя»: «Теперь, после всей этой четверти века и после множества новых, прежде неслыханных фактов, добытых уже практическим изучением русской жизни, – эти «последние могижане» старых теорий невольно представляются в комическом виде, несмотря даже на их усиленно почтенную осанку» [Там же. Т. 23. С. 123].

На противоположность России Америке указывал Н.Я. Данилевский в книге «Россия и Европа» (1869 г.), которую Достоевский назвал «будущей настольной книгой всех русских надолго» [10. Т. 29. С. 30]. В качестве примера можно привести размышления русского философа и геополитика о том, что Россия была вынуждена консолидировать и, по сути, закрепо-

стить все народные силы в исключительно политических целях, что и сделал Петр I. По мнению Н.Я. Данилевского, «в этом отношении Америка, с которой нередко сравнивают Россию, составляет с ней, как уже было замечено, полнейшую противоположность. <...> Европейские государства занимают в этом отношении среднее положение между Америкой и Россией» [14. С. 598–599].

Таким образом, можно сказать, что Достоевский, опираясь на накопленный опыт обозревателя и аналитика¹, широкий кругозор в различных областях и, безусловно, обладая даром предвидения, развивает идеи о кардинальной противоположности Америки и России, которые уже витали в воздухе в середине XIX в., и делает политический прогноз о будущем противостоянии двух держав.

Наконец, в «Дневнике писателя» не раз упоминается сам факт открытия Америки. В статье «Война. Мы всех сильнее» (апрель 1877 г.) Достоевский обосновывает важность для России войны с Османской империей в союзе с балканскими государствами. Во-первых, по убеждению писателя, Россия не может оставаться в стороне, когда угнетается братский ей народ. Во-вторых, такая война во спасение «братьев-славян» необходима и самой России, так как она ознаменует новый этап в истории страны, «освежит воздух, котором мы дышим и в котором мы задыхались, сидя в немощи рабства и в духовной тесноте» [10. Т. 25. С. 95]. Война, по мнению Достоевского, подарит возможность русскому народу и интеллигенции поверить в себя, осознать собственную уникальность и силу. Только после этого «в нас уверует и впервые откроет нас, как когда-то Америку, Европу» [Там же. С. 98]. В этом контексте Америка символизирует свежий глоток воздуха, новый ориентир, который может кардинально изменить современную ситуацию.

В аналогичном ключе Достоевский рассуждает в статье «Германский мировой вопрос. Германия – страна протестующая» (май–июнь 1877 г.). Развивая мысль о современном положении Германии в Европе, о ее особой задаче, Достоевский обращается к событиям европейской истории конца XVIII в.: «Крайнезападный мир под влиянием открытия Америки, новой науки и новых начал искал переродиться в новую истину, в новый фазис. Когда наступила первая попытка этого перевоплощения во время французской революции, германский дух был в большом смущении и на время потерял было самость свою и веру в себя» [Там же. С. 153]. Несмотря на период замешательства, который последовал за открытием Америки, период социальных потрясений, приведших к Французской революции, приведенный пример ярко иллюстрирует положительный аспект, связанный с открытием Европой Америки. В очередной раз Новый Свет выступает в качестве символа обновления. Таким образом, непосредственно момент открытия Америки рассматривается писателем с положительной точки зре-

¹ Работа Достоевского в качестве редактора, политического обозревателя в рубрике «Иностранные события» в газете-журнале «Гражданин» (1873–1874).

ния. Именно в этом случае Достоевский избегает оценки дальнейших событий, оставляя этот вопрос в рамках онтологической закономерности развития общества.

В заключительной статье «Вопросы и ответы» (январь 1881 г.) Достоевский, сравнивая открытие Америки Европой с ролью Азии для России, подчеркивает положительную сторону подобных событий в истории развития той или иной страны: «Видите ли, – продолжаю я, – с поворотом в Азию, с новым на нее взглядом нашим, у нас может явиться нечто вроде чего-то такого, что случилось с Европой, когда открыли Америку. Ибо воистину Азия для нас та же не открытая еще нами тогдашняя Америка» [10. Т. 27. С. 36]. Открытие Азии, как и в свое время открытие Америки, ознаменует подъем духа и сил, послужит началом нового этапа развития.

Напомним, что начало работы над «Дневником писателя» совпало с редакторской деятельностью Достоевского в газете-журнале «Гражданин» (1873–1874 гг.). В журнале работали два редактора: «редактор-собственник» – В.П. Мещерский и «редактор-издатель» – Ф.М. Достоевский. В обязанности Достоевского входило редактирование уже отобранных В.П. Мещерским статей, а также подготовка рубрики «Иностранные события» [15. С. 48].

Перед тем как перейти к анализу репрезентации образа Америки в газете-журнале «Гражданин», необходимо хотя бы кратко сказать о специфике издания и основных принципах работы Достоевского в качестве редактора. В «Гражданине», как и во многих других журналах середины и конца XIX в., большая часть опубликованных материалов была анонимна – такова была особенность публицистики и журналистики того времени. Как пишет В.Н. Захаров, «во многих случаях нельзя однозначно решить, кому принадлежит та или иная статья» [16. С. 14]. Большинство анонимных статей писали либо сами редакторы, либо сотрудники издательства, либо авторы по специальному заказу. Все они классифицируются как редакционные, которые формулируют «не личную, а редакционную, но почти всегда редакторскую точку зрения <...> выражают направление и программу журнала, установки и указания редактора» [Там же. С. 14]. В этом отношении интересным представляется замечание В.Н. Захарова относительно редакторских принципов работы Достоевского: «Достоевский был деспотичным редактором. <...> Он печатал только то, с чем был согласен, лишь те статьи, под которыми он мог поставить свою подпись редактора, а нередко и соавтора» [Там же. С. 11].

Учитывая редакционную политику «Гражданина» и редакторские принципы работы Достоевского, можно утверждать, что все публикуемые в газете-журнале материалы подвергались оценке писателя с точки зрения содержания и стиля. Более того, Достоевский имел полное право вносить коррективы даже в авторский текст в соответствии со своими убеждениями.

Уже в первом выпуске «Гражданина» за 1873 г. (№ 1 от 1 января) в разделе «Иностранные обозрения за истекший год» (Политическое обозрение) Америка и Англия приводятся в качестве примера, которому должна сле-

довать вся Европа в разрешении политических конфликтов. В заметке речь идет о состоявшемся в 1872 г. Третейском суде между Великобританией и США по поводу разрешения спора о принадлежности острова Булама, находящегося у западного берега Америки: «Остается желать, чтобы блистательный примѣръ въ этомъ отношеніи, явленный въ 1872 году, не остался безъ подражаній и на будущее время; и чтобы Европа все болѣе и болѣе проникалась сознаниемъ пользы политики прямодушной, миролюбивой и честной» [17. С. 44]. Примечательно, что в данной заметке не просто описываются события за прошедший год, но и дается их оценка, в случае с Америкой и Англией – оценка явно положительная.

В выпуске № 2 от 8 января 1873 г. приводится аннотация к книге Эдуарда Циммерманна «Соединенные Штаты Северной Америки: из путешествий 1857–58 и 1869–70 гг.», в которой анонимный автор развенчивает существующие в российском обществе мифы об Америке относительно системы женского образования, опираясь на приведенные в книге факты, и приходит к выводу о схожести образовательных принципов России и Америки в противовес распространенному мнению об оригинальности США в этом вопросе. В итоге автор рекомендует данную книгу для прочтения, так как она «может навести русскаго читателя на много трезвыхъ мыслей» [11. С. 162].

Стоит отметить, что еще в одной редакционной статье «Гражданина», посвященной вопросу материального обеспечения школы, Америка приводится в качестве примера для подражания. Автор утверждает, что современную школу необходимо обеспечить постоянным помещением и участком земли, опираясь в этом вопросе на опыт Америки: «Извѣстно, что въ Америкѣ поземельный фондъ, предоставляемый въ пользу мѣстныхъ школъ изъ государственныхъ имуществъ, служитъ главнымъ источникомъ блистательныхъ матеріальныхъ средствъ американскихъ школъ» [18].

Интересным представляется оценка США в небольшой редакционной заметке «Ужаснѣйшій пожаръ въ домѣ умалишенныхъ въ Америкѣ», опубликованной в № 3 от 15 января 1873 г.: «Въ Америкѣ всякое событіе принимаетъ американскіе, то есть громадныя размѣры» [19. С. 160]. Заметка посвящена описанию пожара, произошедшего в больнице для умалишенных, в результате которого ни один из пациентов не пострадал. Несмотря на этот факт, а также постоянно совершенствующуюся систему пожарной безопасности, автор тем не менее подчеркивает и даже отчасти высмеивает стремление Америки возводить обыденные и рутинные дела в ранг масштабных событий.

Желание Америки все доводить до глобальных размеров, стремление страны к господству также отмечается в редакционной статье «Политическое обозрение», опубликованной в номере 10 от 5 марта 1873 г.: «А теперь Соединенные Штаты, едва вышедши крѣпкими изъ отчаянной междоусобной войны, почувствовали свою силу и думаютъ уже подобрать къ своимъ рукамъ всю Америку. <...> И такъ гегемонія Соединенныхъ Штатовъ въ Новомъ Свѣтѣ уже объявлена; конечно, не далеко то время, когда она перейдетъ изъ намѣренія въ совершившійся фактъ!» [20].

Приведенные отрывки редакционных статей «Гражданина» со всей очевидностью указывают на тот факт, что репрезентация образа Америки происходит в разных контекстах и с разной оценкой. Так, Америка может служить примером для подражания в отдельных политических, образовательных и социальных вопросах. Помимо этого, в статьях отмечается особая, характерная для Америки черта, а именно: стремление к масштабности, доминированию и господству в любых сферах общественной жизни. При этом стоит заметить, что тон, которым излагается подобный материал, не осуждающий, а слегка ироничный или нейтральный.

Учитывая литературно-политическую направленность «Гражданина», Америка упоминается практически в каждом выпуске журнала. Безусловно, мы наметили лишь некоторые смысловые сдвиги в изображении Америки с целью сопоставить Достоевского-писателя «Дневника» и Достоевского-редактора статей, публикуемых в «Гражданине». Очевидно, что систематический анализ контекстов, в которых происходит отсылка к этой стране, требует отдельного исследования.

Уникальность и богатство творческого наследия Достоевского позволяют нам говорить о трех его ипостасях: редактор, публицист, писатель. В зависимости от творческой роли, которую принимает на себя Достоевский, меняется и репрезентация Америки. Выступая в роли редактора, Достоевский пытается познакомить читателя с достоверными политическими, социальными и литературными событиями, произошедшими в далекой стране, явно не проявляя собственного отношения к предоставленным сведениям.

В художественных произведениях, в частности в романах пятикнижия, Достоевский неумолим к Новому Свету. Его оценка данной страны всегда отрицательна: конечный пункт побега, страна ложных надежд, страна потерянных для своего Отечества людей.

Отношение Достоевского к Америке в статьях «Дневника писателя» не столь однозначно негативное, как в художественных произведениях, и не такое нейтрально-завуалированное, как в материалах «Гражданина». В «Дневнике писателя», главы которого могут содержать элементы аналитических и художественно-публицистических жанров, Достоевский проводит детальный анализ социально-политических процессов, пытаясь найти им объяснение с опорой на философские концепции, религию. На протяжении первых лет публикации «Дневника» (1873, 1876) мотив бегства в Америку становится центральным. В 1876–1877, 1880–1881 гг. фокус внимания автора в контексте размышлений о Новом Свете переключается на вопросы, связанные с политическим и экономическим устройством Америки. И несмотря на тот факт, что в «Дневнике писателя» Америка всегда упоминается как бы вскользь, Достоевский делает ряд политических прогнозов, конкретизируя лишь намеченные в «Гражданине» тенденции.

При всей неоднозначности оценок далекой для России страны, текст «Дневника писателя» Достоевского указывает на восприятие Америки как нового, формирующегося имперского центра, который, с одной стороны,

явно вызывал беспокойство, с другой – имел свои безусловные достоинства, на которые Россия могла бы ориентироваться. Это не просто прекрасное место для побега заблудших душ, это независимая и быстро развивающаяся страна. Именно поэтому в тексте «Дневника писателя», несмотря на отрицательное отношение Достоевского к политическому строю Америки и ценностным ориентирам, она часто привлекается как объект сравнения для оценки собственных достижений.

Литература

1. *Tocqueville A. de., Beaumont G.* Du systeme penitentiare aux Etats-Unis et de son application en France. Paris, 1832.
2. *Tocqueville A. de.* De la Démocratie en Amérique. Bruxelles, 1835. Vol. 1–2.
3. *Beaumont G.* Marie, ou l'Esclavage aux États-Unis. Paris, 1835.
4. *Lantz K.A.* The Dostoevsky Encyclopedia. Westport ; Connecticut ; London : Greenwood Press, 2004. 503 p.
5. *Сараскина Л.И.* Испытание будущим. Ф.М. Достоевский как участник современной культуры. М. : Прогресс-Традиция, 2010. 600 с.
6. *Гроссман Л.П.* Достоевский-художник // Творчество Достоевского. М. : Изд-во АН СССР, 1959.
7. *Долинин А.С.* К истории создания «Братьев Карамазовых» // Ф.М. Достоевский. Материалы и исследования. С. 15.
8. *Тарасова Н.А.* «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского (1876–1877): критика текста. М. : Квадрига : МБА, 2011. 392 с.
9. *Волгин И.Л.* Возвращение билета: Парадоксы национального самопознания. М. : Грантъ, 2004. С. 25–145.
10. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1972–1990.
11. *Северо Американские Штаты.* Циммерманна // Гражданин. 1873. № 2. С. 159–160.
12. *Крестовский В.В.* Петербургские трущобы: (Книга о сытых и голодных): роман : в 2 кн. Кн. 2, ч. 4–6. М. : АСТ, 2004. 778 с.
13. *Саид Э.В.* Культура и империализм / пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб. : Владимир Даль, 2012. 736 с.
14. *Данилевский.* Россия и Европа / сост. и коммент. А.В. Белова ; отв. ред. О.А. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2011. 816 с.
15. *Бабин В.Л.* Международная тематика в обзорах Достоевского «Иностранные события» и в «Дневнике Писателя» 1876–1877 гг. // Достоевский и мировая культура. 2013. Альм. № 30 (2). С. 48–51.
16. *Захаров В.Н.* О статусе редакционных статей в изданиях Достоевского // Известный Достоевский. 2017. № 1. С. 1–17.
17. *Иностранное обозрение за истекший год* // Гражданин. 1873. № 1.
18. *Областное обозрение* // Гражданин. 1873. № 10.
19. *Ужаснейший пожар в доме умалишенных в Америке* // Гражданин. 1873. № 3.
20. *Политическое обозрение* // Гражданин. 1873. № 10.

The Image of America in *A Writer's Diary* by Fyodor Dostoevsky

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 65. 243–259. DOI: 10.17223/19986645/65/15

Tatiana V. Korotchenko, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tatyana1003@mail.ru

Keywords: Fyodor Dostoevsky, *A Writer's Diary*, America, journal *Grazhdanin*.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 012-90020\18.

For the first time, the article deals with the “American” theme in *A Writer’s Dairy* by Fyodor Dostoevsky. Basic types of America’s image are revealed, each being analyzed in its evolution. It is proved that the way America is represented in the publicistic materials significantly differs from that in Dostoevsky’s fiction. The peculiarity of America’s image representation is primarily determined by the genre characteristics of *A Writer’s Dairy*. In the context of the writer’s thoughts on the sociopolitical processes both in Russia and worldwide, America is depicted as a new developing empire. In *A Writer’s Dairy*, the image of America is represented in the following ways: a target country for almost every person who wants to find a better life; a bourgeois liberal country which aims at capital expansion and world domination; the fact of America’s discovery and its impact on Europe and the entire world; a new religion—Dostoevsky rather often compares America with a new religion which can capture a great number of people. The motif of escape to America appears to be a main one in *A Writer’s Dairy* in 1873 and 1876. Due to the genre peculiarities, this motif is entwined in Dostoevsky’s thoughts on the quality of modern education and young people’s upbringing, on the gap between the intelligentsia and the common people, and on the excessive enthusiasm for the western ideas. The representation of America as a bourgeois liberal country is ambivalent: on the one hand, it is a country that focuses on wealth accumulation; on the other hand, it serves as an example in such issues as struggle for independence and guarantee of freedom for its citizens. In this context, Dostoevsky predicts the future confrontation of two countries—Russia and America. The very fact of America’s discovery is viewed as positive. The analysis of the articles published in the journal *Grazhdanin* proves Dostoevsky’s ambivalent attitude towards America. This country is represented in various contexts and from different perspectives. America can serve as an example to be followed in certain political, educational, and social issues. In addition, the journal articles identify such a peculiarity of this country as a strong desire for immensity, domination, and supremacy in various spheres of social life. The comparative analysis of the contexts of *Grazhdanin*, *A Writer’s Dairy*, and other fiction by Dostoevsky in which America is mentioned leads to the conclusion that the representation of America changes depending on the role that Dostoevsky takes upon himself.

References

1. de Tocqueville, A. & Beaumont, G. (1832) *Du systeme penitentiare aux Etats-Unis et de son application en France*. Paris: [s.n.].
2. de Tocqueville, A. (1835) *De la Démocratie en Amérique*. Vol. 1–2. Bruxelles: Louis Hauman et Compe.
3. Beaumont, G. (1835) *Marie, ou l’Esclavage aux États-Unis*. Paris: Libraire de Charles Gosselin.
4. Lantz, K.A. (2004) *The Dostoevsky Encyclopedia*. Westport; Connecticut; London: Greenwood Press.
5. Saraskina, L.I. (2010) *Ispytanie budushchim. F.M. Dostoevskiy kak uchastnik sovremennoy kul’tury* [Testing the future. F.M. Dostoevsky as a participant in modern culture]. Moscow: Progress-Traditsiya.
6. Grossman, L.P. (1959) Dostoevskiy-khudozhnik [Dostoevsky-artist]. In: *Tvorchestvo Dostoevskogo* [Dostoevsky’s Creative Art]. Moscow: USSR AS.
7. Dolinin, A.S. (1925) K istorii sozdaniya “Brat’ev Karamazovykh” [On the history of the creation of “The Brothers Karamazov”]. In: Dolinin, A.S. (ed.) *F.M. Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [F.M. Dostoevsky. Materials and Studies]. Moscow: Mysl’.
8. Tarasova, N.A. (2011) “Dnevnik pisatelya” F.M. Dostoevskogo (1876–1877): kritika teksta [“A Writer’s Diary” by F.M. Dostoevsky (1876–1877): Criticism of the text]. Moscow: Kvadriga: MBA.

9. Volgin, I.L. (2004) *Vozvrashchenie bileta: Paradoksy natsional'nogo samopoznaniya* [Ticket Return: The Paradoxes of National Identity]. Moscow: Grant". pp. 25–145.
10. Dostoevskiy, F.M. (1972–1990) *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete works: In 30 vols]. Leningrad: Nauka.
11. Grazhdanin. (1873) Severo Amerikanskie Shtaty. Tsimmermana [North American States by Zimmermann]. 2. pp. 159–160.
12. Krestovskiy, V.V. (2004) *Peterburgskie trushchoby: (Kniga o sytykh i golodnykh): roman: v 2 kn.* [Petersburg slums: (Book of the well-fed and the hungry): A novel: In 2 books]. Book 2. Pt. 4–6. Moscow: AST.
13. Said, E.W. (2012) *Kul'tura i imperializm* [Culture and imperialism]. Translated from English by A.V. Govorunov. Saint Petersburg: Vladimir Dal'.
14. Danilevskiy. N.Ya. (2011) *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii.
15. Babin, V.L. (2013) Mezhdunarodnaya tematika v obzorakh Dostoevskogo "Inostrannye sobytiya" i v "Dnevnikе Pisatelya" 1876–1877 gg. [International topics in Dostoevsky's reviews of "Foreign Events" and in "A Writer's Diary" of 1876–1877]. In: Stepanyan, K.A. (ed.) *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Al'm.* [Dostoevsky and world culture. Almanac]. 30 (2). pp. 48–51.
16. Zakharov, V.N. (2017) On the Status of Editorials in Dostoevsky's Periodicals. *Neizvestnyy Dostoevskiy – Unknown Dostoevsky*. 1. pp. 1–17. (In Russian). DOI 10.15393/j10.art.2017.3083
17. *Grazhdanin*. (1873) Inostrannoe obozrenie za istekshiy god [Foreign Review over the past year]. 1.
18. *Grazhdanin*. (1873) Oblastnoe obozrenie [Regional Review]. 10.
19. *Grazhdanin*. (1873) Uzhasneyshiy pozhar v dome umalishennykh v Amerike [The terrible fire in the house of the insane in America]. 3.
20. *Grazhdanin*. (1873) [Political Review]. 10.